

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования

**«РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
(РГГУ)**

На правах рукописи

Дорофеев Яков Станиславович

ТИПОЛОГИЯ И ДИСКУРС ВЛАСТИ В ФИЛОСОФИИ А. КОЖЕВА

Специальность 5.7.2 – история философии

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата философских наук

Научный руководитель:
кандидат философских наук
Ямпольская Яна Геннадиевна

Москва – 2025

Диссертация выполнена на кафедре современных проблем философии философского факультета федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Российский государственный гуманитарный университет».

Научный руководитель:

Янпольская Яна Геннадиевна,
кандидат философских наук,
ФГАОУ ВО «Российский государственный
гуманитарный университет»,
доцент кафедры современных проблем философии

Официальные оппоненты:

Корецкая Марина Александровна,
доктор философских наук, доцент,
ФГБОУ ВО «Самарский государственный медицинский
университет» Министерства здравоохранения
Российской Федерации,
заведующий кафедрой философии и биоэтики

Углева Анастасия Валерьевна,
кандидат философских наук, Ph.D., доцент,
ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский
университет „Высшая школа экономики“»,
профессор Школы философии и культурологии,
ведущий научный сотрудник Лаборатории
критической теории культуры

Ведущая организация: автономная некоммерческая образовательная организация высшего образования «Европейский университет в Санкт-Петербурге».

Защита состоится «___» _____ 2025 г. в _____ часов на заседании диссертационного совета 24.2.366.02, созданного на базе Российского государственного гуманитарного университета, по адресу: 125047, г. Москва, Миусская площадь, д.6, стр. 6.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке РГГУ и на сайте:
<https://www.rsuh.ru/>

Автореферат разослан «___» _____ 2025 г.

Ученый секретарь диссертационного совета,
Кандидат философских наук

И.С. Курилович

I. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Академический интерес к философскому наследию Александра Кожева не только не ослабевает, но и усиливается со временем, однако феномен Власти в его мысли по-прежнему исследован недостаточно глубоко. В русскоязычном академическом поле публикации на тему ограничиваются рецензиями или обзорными статьями. Как правило, в контексте наследия А. Кожева тема Власти рассматривается через экстраполяцию его идей на политико-государственный аспект, либо эпизодически упоминается в связи с гегелевской диалектикой господина и раба и *концом истории*, который за последние десятилетия, благодаря Фрэнсису Фукуяме, привыкли употреблять в связи с процессами глобализации. Специального анализа практически не встречается, кроме того, среди отечественных монографий до сих пор нет ни одной работы, посвящённой соотношению Власти и Желания у А. Кожева.

В более общем смысле актуальность заявленной темы вписывается в область, связанную с относительно недавним «онтологическим поворотом» в политической теории, который сосредоточился не на науке о бытии как таковой, а скорее на человеческом бытии, или, если воспользоваться понятием из философии раннего Мартина Хайдеггера, на «бытии-в-мире». Таким образом, онтологический поворот оказался связан с изучением «проблемы бытия политического мира, его сущностных характеристик, а также с анализом универсальных закономерностей властных отношений в обществе в рамках обнаруженной конечной политической реальности»¹. Онтология часто ассоциируется с метафизикой, понимаемой как исследование области, выходящей за пределы физического мира, и, следовательно, с проблемами взаимоотношений между духом и материей, природы вечных истин и высших благ, существования свободы воли в

¹ Долгов А.Ю. Политическая онтология как область исследования и теоретико-методологический подход к изучению политики. (Аналитический обзор). Социологический ежегодник, 2015-2016 М.: ИНИОН РАН, 2016. С. 216.

противовес детерминизму и другим вопросам, преобладающими в философских и теологических доктринах эпохи модерна. По этой причине большинство форм современной политической теории, как правило, отвергают онтологию и отказываются от взаимодействия с онтологическими вопросами. Однако такое уклонение стало проблематичным. Доминирующие формы европейской послевоенной политической мысли нередко представляли человеческое Я в утилитарных терминах, оправдывая этот шаг тем, что он позволяет избежать спорных, необоснованных и в конечном итоге метафизических спекуляций о человеческой природе или политической жизни.

Значительное влияние на эту тенденцию оказало накопление многочисленных эмпирических данных, что привело к игнорированию более абстрактных онтологических вопросов. К тому же спекулятивный характер онтологии не способствовал верификации полученных результатов. Большинство критиков утверждают, что онтологические размышления приводят к спекуляциям, которые не имеют практической ценности для политического анализа. Это мнение основано на том, что многие исследователи предпочитают концентрироваться на эмпирических данных и действительных государственных политических процессах.

Онтологический поворот в политической теории попытался компенсировать эти процессы и пересмотреть характер терминов политической мысли и их отношений между собой. Его истоки можно проследить до начала 1980-х годов, когда в дебаты по политической теории были включены авторы, ранее находившиеся за пределами академической парадигмы, в частности Ф. Ницше. Изначально – в рамках позитивистской традиции – методологическая нейтральность рассматривалась как основополагающий принцип научного исследования, предполагающий, что учёный должен оставаться беспристрастным наблюдателем, не позволяющим личным ценностям влиять на интерпретацию данных. Это мнение стало ещё

одной из причин того, что онтология воспринималась как второстепенная по сравнению с эпистемологией и методологией.

Данная тенденция продолжает набирать обороты и на неё оказывает дальнейшее влияние широкий круг философов XIX и XX веков, которые отказываются уклоняться от онтологических вопросов и стремятся освободить онтологию от метафизической традиции. Среди наиболее заметных мыслителей этой тенденции можно назвать Ф. Ницше, М. Хайдеггера, Т. Адорно, М. Фуко, Ж. Делёза, Ж. Лакана, Р. Рорти и тп.

Теория, обнаруживаемая в работе Александра Кожева «Понятие Власти», демонстрирует оригинальность и радикальное отличие от тех построений, которые отделяют онтологию от метафизической традиции, восходящей к Платону, Аристотелю, Августину и Гегелю. Его взгляды тяготеют скорее к классической онтологической традиции, чем к более современным позициям структурного психоанализа и постструктурализма, поскольку теория Власти в кожевской философии сопряжены с его пониманием исторического процесса и творящего его исторического человека. В этом небольшом произведении Кожев предлагает трёхчастный взгляд на феномен Власти, переосмыслив несколько классических философских концепций власти, акцентируя внимание на процессах её генезиса, формирования и эволюции, а также на разнообразии её конкретных проявлений в политическом измерении и устройстве реального государства. Если материал его лекционных курсов 30-х годов во «Введении в чтение Гегеля» основан на интерпретации гегелевской философии, то в случае с «Понятием Власти»² 1942 года гегелевский сюжет рассматривается лишь как один из возможных вариантов объясняющих теорий – диалектика господина и раба фигурирует только в рамках одной из четырёх приводимых Кожевом «чистых» форм Власти. Поэтому внимательный подход к этой топике в

² *Kojève A. La Notion de l'Autorité. Paris: Gallimard, 2004. 206 p.; Кожев А. Понятие Власти. М.: Праксис, 2006. 192 с.*

творчестве Кожева вынуждает пересмотреть канонический взгляд на его философию, которую в основном принято полностью сводить к его гегельянству. Его краткий, но насыщенный анализ Власти открывает множество перспектив: от установления исторических инкарнаций дискурсивных моделей по каждому типу Власти в кожевской «квадреме» до отслеживания её траектории преемственности в «посткожевском дискурсе».

Таким образом, исследование феномена Власти в философии Александра Кожева является актуальным не только в силу отсутствия целостных и систематических работ по этой теме в отечественной и зарубежной науке, но и в связи с современными дискуссиями о природе легитимности, насилия, признания и безличных форм господства. Диссертация восполняет этот пробел, обращаясь к малоисследованному трактату «Понятие Власти», вводя в научный оборот забытых контрпросветителей и сопоставляя кожевскую типологию власти с лакановской теорией дискурсов. Такой подход позволяет по-новому взглянуть на философию Кожева, выйти за рамки её привычного гегельянского прочтения и предложить концептуальные ресурсы для анализа кризисов современной власти.

Степень разработанности темы исследования. Нельзя сказать, что в российском академическом пространстве тема не затрагивалась, однако на фоне прочих направлений в рамках политической философии, онтологии власти и кожеведения анализ концепции Власти А. Кожева остаётся востребованным. Говоря о современном исследовательском материале по данной теме, прежде всего следует упомянуть работы А.М. Руткевича, которому принадлежит перевод на русский язык трактата Кожева «Понятие Власти»³, изданный в 2006 году и снабжённый послесловием переводчика и исследователя. Сюда следует отнести его статьи «А. Кожев и Л. Штраус:

³ См. прим. №2.

спор о тирании»⁴, в которой сопоставлены подходы Кожева и Штрауса к проблеме тирании и анализируется диалектика господина и раба как её скрытое основание, и «Философию истории Александра Кожева»⁵, где тема власти так же затрагивается в связи с отношением господин-раб.

Среди других исследований феномена Власти в концепции Кожева отметим статью С.С. Русакова «Сравнительный анализ понятия власти в философии А. Кожева и К. Шмитта»⁶, где автор смело рифмует четыре кожевских типа Власти с основными стилями государственного управления, выделенными К. Шмиттом, при том, что Шмитт опирается прежде всего на юридический, теоретико-правовой и исторический материал, тогда как Кожев строит рассуждение на собственной философской процедуре – феноменологическом, метафизическом и онтологическом анализе, причём последний в «Понятии Власти» по сути лишь контурно намечен на будущее, без какой-либо разработки. В результате проведённого анализа автор сформировал развернутый инструментарий и набор критериев, позволяющих оценивать государственную власть с точки зрения её легальности и легитимности, эффективности и неэффективности, демократичности и антидемократичности.

Также следует выделить статью С.С. Черных «Психоанализ метафизических основ власти: З. Фрейд, А. Кожев»⁷. В своей статье С.С. Черных сопоставляет кожевскую Власть Отца с фрейдовским мифом об отцеубийстве в первобытной орде, эдиповым комплексом и т. д. Он стремится свести их сходство к тому, что Кожев, подобно Фрейду, якобы выступает против Власти Отца; однако внимательное чтение «Понятия Власти» показывает, что приписываемых автором «позитивных» аспектов

⁴ Руткевич А.М. А. Кожев и Л. Штраус: спор о тирании // Вопросы философии. 1998. № 6. С. 79-92.

⁵ Руткевич А.М. Философия истории Александра Кожева / А. М. Руткевич. Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом. Высшей школы экономики, 2015. – (Серия WP6 «Гуманитарные исследования»). 44 с.

⁶ Русаков С.С. Сравнительный анализ понятия власти в философии А. Кожева и К. Шмитта // Политика и Общество. 2018. № 10. С. 18–25.

⁷ Черных С.С. Психоанализ метафизических основ власти: З. Фрейд, А. Кожев // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Серия: общественные науки. – 2015. – № 3 (187). С. 27-32.

восстания против монархического патриархата у Кожева нет. С.С. Черных не анализирует остальные типы Власти и лишь критикует соотнесение теории схоластов и Власти Отца, а также Аристотеля и Вождя. По его мнению, Кожев не опирается на труды схоластов, а лишь приводит молитву «Отче наш» в качестве доказательства такого пересечения. Кожев действительно не демонстрирует системного обращения к текстам схоластов, для которых важную роль играли Платон и Стагирит, и как полагает С.С. Черных, последний в своей философии использует множество тезисов, релевантных скорее для Власти Отца, чем для Власти Вождя (с чем мы вынуждены не согласиться). На наш взгляд, данная критика основывается на подмене кожевских тезисов собственными предположениями автора и потому не выдерживает проверки.

Среди диссертационных исследований, наиболее приближенных к заявленной теме, выделим работу И.А. Наскиной «Политико-философские идеи А. Кожева»⁸, в которой кожевский концепт Власти связывается прежде всего с политической философией и политической наукой в узком смысле – через вопросы легитимности, моделей политической организации, механизмов управления и перспектив европейской интеграции. Таким образом акцент в данной работе делается больше на институционально-практическом измерении власти. Остальные же имеющиеся на данный момент исследования в секторе диссертаций не столь сильно сфокусированы на феномене Власти у Кожева, как например работа «Философско-антропологический дискурс А. Кожева»⁹ И.А. Жиленкова, направленная в основном на анализ кожевского субъекта Желания, или «Концепция истории А. Кожева: опыт историко-философской реконструкции»¹⁰ А.А. Юрганова, представляющая собой развёрнутый

⁸ Наскина И.А. Политико-философские идеи А. Кожева: дис. канд. полит. наук: 23.00.01 – Теория и философия политики, история и методология политической науки. Москва, 2013. 150 с.

⁹ Жиленков И.А. Философско-антропологический дискурс А. Кожева: дис. канд. филос. наук: 09.00.13 – Философская антропология, философия культуры. — Белгород: НИУ «БелГУ», 2016. 159 с.

¹⁰ Юрганов А.А. Концепция истории А. Кожева: опыт историко-философской реконструкции: дис. канд. филос. наук: 09.00.03 – История философии. — Краснодар, 2013. 130 с.

комментарий к тезису о конце истории. Выделим здесь и магистерскую диссертацию Е.И. Шашловой «Александр Кожев и французская философия: культурный трансфер в истории философии»¹¹, в которой систематизируется «трансфер» кожевской мысли во французскую философию межвоенного и послевоенного времени; гипотеза данного магистерского исследования заключается в том, что методология культурного и концептуального трансфера (Россия—Германия—Франция) позволяет описать специфику формирования атеистического и антропологического дискурса в рамках французской феноменологической и марксистской философии.

Из иностранных исследований по теме следует отметить статью Брайана-Пола Фроста «Власть и легитимность в “Понятии Власти” Александра Кожева»¹² в сборнике 2022 года «Александр Кожев: человек влияния». Это подробный, систематически обзорный текст, который не вносит относительно кожевской теории Власти никаких принципиально новых идей, но аккуратно и без искажений ретранслирует содержательную линию трактата. Автор заключает, что «Понятие Власти» обеспечивает фундаментальное основание и прояснение более поздних сочинений Кожева, делая этот трактат одной из его ключевых работ. Также важно выделить польскую монографию Петра Новака 2006 года «Онтология успеха: эссе о философии Александра Кожева»¹³ — первая в Польше книга, целиком посвящённая Кожеву. В исследовании не только реконструируется гегелевско-кожевская линия, но и предлагается «онтология успеха», трактуя признание, фигуры тирана и мудреца и постисторический мир как антрополого-политическую схему. Работа тематизирует диалог тирана и философа, политическую теологию (Кожев — Шмитт), мотив «Латинской

¹¹ Shashlova E. *Alexandre Kojève et la philosophie française: le transfert culturel dans l'histoire de la philosophie*. Louvain-la-Neuve: Université catholique de Louvain, Faculté de philosophie, arts et lettres (Institut supérieur de philosophie), 2023.

¹² Frost B.-P. Authority and legitimacy in Alexander Kojève's *The notion of authority* // *Alexandre Kojève: A Man of Influence*. Lanham: Lexington Books, 2022, pp. 183-207.

¹³ Nowak P. *Ontologia sukcesu. Esej przy filozofii Alexandre'a Kojève'a*. Gdańsk: Słowo/Obraz Terytoria, 2006. 267 s.

империи» и тем самым вписывает кожевский корпус в современные дискуссии о власти и европейской интеграции. Показательна и статья Новака на польском языке «Введение в чтение Кожева»¹⁴ в тематическом номере журнала «Хронос. Метафизика–Культура–Религия» за 2009 год, которая задаёт рамку этому выпуску и сопровождает публикацию переводов кожевских текстов. Для русскоязычной аудитории существует переработанная версия — «Правители и философы (введение в чтение Кожева)»¹⁵, где компактно реконструируются узловые биографические и концептуальные моменты (семинар 1930-х, спор со Штраусом о тирании, административная практика 1950–1960-х). В совокупности эти тексты выполняют функцию мостика между кожевским наследием и актуальной политико-философской проблематикой признания и постистории. Внимания заслуживает и эссе американского исследователя Вадима Россмана «После философии: Кожев, «конец истории» и русская мысль»¹⁶, в котором различается кожевская версия конца истории и её популяризация у Фукуямы и прослеживаются русские истоки темы «смерти человека».

Среди отечественных исследований, важных для изучения наследия Александра Кожева, прежде всего, выделяются две монографии. Первая – работа В.Н. Кузнецова «Французское неогегельянство»¹⁷ (1982), ставшая первым систематическим исследованием этого течения: наряду с Ж. Валем и Ж. Ипполитом автор подробно рассматривает и философию самого Кожева. Вторая – монография И.С. Куриловича «Французское неогегельянство: Ж. Валь, А. Койре, А. Кожев, Ж. Ипполит»¹⁸ (2020). Автор представляет современное переосмысление французского неогегельянства вне советской идеологической окраски, привлекает новые посмертные издания Кожева и

¹⁴ Nowak P. Wprowadzenie do lektury Kojève'a // Kronos. Metafizyka–Kultura–Religia 3(10), 2009.

¹⁵ Новак П. Правители и философы: (введение в чтение Кожева) / П. Новак; пер. с пол. И. Ксезопольской // Вопросы философии. - 2015. - № 10. - С. 180-201.

¹⁶ Россман В. После философии: Кожев, «конец истории» и русская мысль // Неприкосновенный запас. — 1999. — № 5. — С. 21—26.

¹⁷ Кузнецов В.Н. Французское неогегельянство. — М.: Изд-во Моек, ун-та, 1982. 200 с.

¹⁸ Курилович И.С. Французское неогегельянство: Ж. Валь, А. Койре, А. Кожев и Ж. Ипполит в поисках единой феноменологии Гегеля–Гуссерля–Хайдеггера. М.: РГГУ, 2019. 224 с.

актуальные западные исследования, существенно расширяет источниковую базу и открывает более широкие перспективы для анализа его философии.

Затем надлежит отметить исследования вышеупомянутой Е.И. Шашловой. Во-первых, это статья «Аристотель в лекциях Александра Кожева: диалектика раба и господина»¹⁹, в которой показано, как кожевское чтение гегелевского сюжета «господин-раб» переосмысливает аристотелевские мотивы (логос, «политическое животное») и тему признания; данный текст полезен как краткая реконструкция «классического» узла интерпретаций Кожева. Во-вторых, статья «На пути к взаимному признанию: Рикёр против Кожева»²⁰ сопоставляет модели признания у Кожева и Рикёра и фиксирует недавний поворот дискуссии от *recognition* к *misrecognition*, что важно для современного политико-философского контекста. Среди отечественных исследователей философии А. Кожева также внимания заслуживают работы В.Ю. Быстрова. Во-первых, это статья «Французское неогегельянство и проблемы европейской интеграции»²¹, где на материале французского неогегельянства и прежде всего кожевской интерпретации Гегеля обсуждаются теоретические основания европейской идентичности и переход от философских конструктов к институциональному проекту ЕС. Во-вторых, отметим его очерк «Александр Кожев об истоках европейского единства»²², фокусирующийся на формировании у Кожева представлений о европейском единстве и их практико-политическом измерении.

Таким образом, несмотря на достигнутые зарубежными и отечественными исследователями успехи в изучении философского наследия Александра Кожева, его концепция Власти, хотя и получила некоторое

¹⁹ Шашлова Е.И. Аристотель в лекциях Александра Кожева: диалектика раба и господина // Вопросы философии. - 2020. - № 1. - С. 38-44.

²⁰ Shashlova E. Towards mutual recognition: Ricœur against Kojève // Revista Filosófica de Coimbra, 2023, vol. 32, no. 64, pp. 453–472.

²¹ Быстров В.Ю. Французское неогегельянство и проблемы европейской интеграции // Россия в глобальном мире: Альманах. – Санкт-Петербург, 2016. – № 8 (31). – С. 449-457.

²² Быстров В.Ю. Александр Кожев об истоках европейского единства // Евразийский союз ученых. 2017 - №. 12(45). 2 часть – С.51-55.

освещение, по-прежнему остаётся недостаточно изученной и потому нуждается в дальнейшем исследовании.

Материалом данного исследования являются опубликованные произведения Александра Кожева, в том числе оригинальный текст трактата «Понятие Власти»²³ и его издание²⁴ на русском языке, «Введение в чтение Гегеля»²⁵, «Император Юлиан и его искусство письма»²⁶, «Идея смерти в философии Гегеля»²⁷, «Колониализм с европейской точки зрения»²⁸, «Тирания и мудрость»²⁹, «Атеизм»³⁰.

Вместе с тем материалом исследования и компаративного контекстуального анализа стали сочинения Ж. де Местра («Письма савойского роялиста»³¹, «Рассуждения о Франции»³², «О Папе»³³); труды Ф. Шиллера, посвящённые его эстетической теории («Письма об эстетическом воспитании человека»³⁴, «О патетическом»³⁵, «О грации и достоинстве»³⁶, «О возвышенном»³⁷, «Разрозненные размышления о различных эстетических предметах»³⁸, «О наивной и сентиментальной поэзии»³⁹, «Каллий, или О красоте»⁴⁰); историософские сочинения Ф.-Р. де Шатобриана («Опыт о

²³ *Kojève A.* La Notion de l'Autorité. Paris: Gallimard, 2004. 206 p.

²⁴ *Кожев А.* Понятие Власти. М.: Практис, 2006. 192 с.

²⁵ *Кожев А.* Введение в чтение Гегеля / Пер. с нем. и послесл. А. Г. Погоняйло. М.: «Наука», 2003. 792 с.

²⁶ *Кожев А.* Император Юлиан и его искусство письма // Искусство письма. М.: Логос, 2012. С. 21-42.

²⁷ *Кожев А.* Идея смерти в философии Гегеля / Пер. с фр. и посл. И. Фомина. М.: Издательство «Логос», 1998. 208 с.

²⁸ *Кожев А.* Колониализм с европейской точки зрения // Кожев А. Атеизм и другие работы / Пер. с фр. А.М. Руткевича и др. М., 2006. С. 387-402.

²⁹ *Кожев А.* Тирания и мудрость // Там же. С. 323-386.

³⁰ *Кожев А.* Атеизм // Там же. С. 52-174.

³¹ *Maistre J.M. de.* Lettres d'un Royaliste Savoisien à ses compatriotes. France, H. Pelagaud fils et Roblot, 1872. 83 p.

³² *Местр Ж.М. де.* Рассуждения о Франции. — М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1997. 216 с.

³³ *Maistre J.M. de.* Du Pape. Paris: Charpentier, 1860. 413 p.

³⁴ *Шиллер Ф.* Письма об эстетическом воспитании человека // Шиллер Ф. Собрание сочинений, т. 6. М.: ГИХЛ, 1957. С. 251-358.

³⁵ *Шиллер Ф.* О патетическом // Там же. С. 197-222.

³⁶ *Шиллер Ф.* О грации и достоинстве // Там же. С. 115-170.

³⁷ *Шиллер Ф.* О возвышенном // Там же. С. 171-196.

³⁸ *Шиллер Ф.* Разрозненные размышления о различных эстетических предметах // Там же. С. 223-250.

³⁹ *Шиллер Ф.* О наивной и сентиментальной поэзии // Там же. С. 385-477.

⁴⁰ *Шиллер Ф.* Каллий, или О красоте // Там же. С. 70-114.

революциях»⁴¹, «Обоснованный анализ истории Франции»⁴² и политико-публицистическим трактат «О Бонапарте и Бурбонах»⁴³), а также критические работы Э. Бёрка – «Размышления о Французской революции»⁴⁴ и «В защиту естественного общества»⁴⁵. В диссертации предпринята сравнительная «проекция» идей Кожева на эти классические работы о Власти и политическом анализе истории, образующие основные составляющие своего рода «текста Власти».

Ключевым инструментом и материалом исследования также выступают понятия и работы Ж. Лакана: «Ещё»⁴⁶, «Изнанка психоанализа»⁴⁷, «Тревога»⁴⁸, «Образования бессознательного»⁴⁹, «Этика психоанализа»⁵⁰ и «Доклад в Миланском университете 12 мая 1972 года»⁵¹.

Объектом данного диссертационного исследования выступает феноменология Власти А. Кожева в исторической перспективе.

Предметом исследования является концептуализация Власти у А. Кожева и её философская типология, какой она предстаёт в перспективе рецепции контпросветительских идей с одной стороны и в оптике лаканианской рецепции – с другой.

⁴¹ *Chateaubriand F.R.de. Essai historique, politique et moral sur les révolutions anciennes et modernes, considérées dans leurs rapports avec la Révolution française.* Londres Inghlaterra: Henry Colburn, 1814. 564 p.

⁴² *Chateaubriand F.R.de. Analyse raisonnée de l'histoire de France.* Paris: Firmin Didot, 1845. 528 p.

⁴³ *Chateaubriand F.R.de. On Buonaparte and the Bourbons (1814)* // Blum C.O. *Critics of the Enlightenment: Readings in the French Counter-Revolutionary Tradition.* Wilmington: ISI Books, 2004, pp. 3-40.

⁴⁴ *Бёрк Э. Размышления о революции во Франции.* Лондон: Overseas Publications Interchange Ltd., 1992. 411 с.

⁴⁵ *Бёрк Э. В защиту естественного общества, или обозрение бед и несчастий, приходящихся на долю человечеств в любого рода искусственно созданном обществе в письме покойного благородного сочинителя к лорду* // Бёрк Э. *Правление, политика и общество.* Сборник / Пер. с англ., сост., вступ. ст. и коммент. Л. Полякова. М.: «КАНОН-прессЦ», «Кучково поле», 2001. С. 43-134.

⁴⁶ *Лакан Ж. Ещё (Семинар, Книга XX (1972/73)).* Пер. с фр./ А. Черноглазова. М.: Издательство «Гнозис», Издательство «Логос». 2011. 176 с.

⁴⁷ *Лакан Ж. Изнанка психоанализа (Семинар, Книга XVII (1969-70)).* Пер. с фр. /А Черноглазова. М.: Издательство "Гнозис", Издательство "Логос". 2008. 272 с.

⁴⁸ *Лакан Ж. Тревога (Семинар, Книга X (1962/63)).* Пер. с фр./ А Черноглазова. М.: Издательство "Гнозис", Издательство "Логос". 2010). 424 с.

⁴⁹ *Лакан Ж. Образования бессознательного (Семинары: Книга V (1957/1958)).* Пер. с фр./ Перевод А. Черноглазова. М.: Издательство «Гнозис», Издательство «Логос». 2002/2018 (2-е издание). – 608 с.

⁵⁰ *Лакан Ж. Этика психоанализа (Семинары: Книга VII (1959-60)).* Пер. с фр./ Перевод А. Черноглазова. М.: Издательство "Гнозис", Издательство "Логос". 2006. 416 с.

⁵¹ *Lacan J. Discours à l'Université de Milan le 12 mai 1972* // *Lacan in Italia 1953–1978 / En Italie Lacan.* Milan: La Salamandra, 1978, pp. 32–55.

Цель и задачи исследования. Цель данного диссертационного исследования — истолковать и критически осмыслить трактовку феномена Власти в философии Александра Кожева; проверить применимость предложенной им типологии Власти в историко-философском анализе, а также возможную генетическую преемственность между ней и четырьмя дискурсами, разработанными Жаком Лаканом.

Для достижения этой цели требуется решение следующих **задач**:

1. Прояснить первооснову феномена Власти, уточнив автономный статус самосознания и механизм признания в философии Кожева через реконструкцию его субъекта Желания.

2. Эксплицировать понятие Власти у Кожева на основе одноимённого трактата, привлекая материал других его опубликованных работ для выявления лакун в теории и обозначить близость и различие с позициями иных политических философов.

3. Анализируя ту область творчества видных контрпросветителей, которая так или иначе связана с Великой французской революцией, протестировать применимость категориального аппарата кожевской типологии Власти на ключевых смыслах, реконструируемых из аргументации их философских текстов.

4. Выявив органическую связь и влияние кожевского понимания желания на трактовку желания у Лакана, раскрыть специфику лакановских дискурсов и показать возможную преемственность между ними и типами Власти, выделенными Кожевом.

5. Установить корреляцию между не артикулированным самим Кожевом, но выявленным в ходе исследования пятым типом Власти («власти Капитала») и лакановским «дискурсом капитализма», а также обосновать для него собственную, пятую теорию Власти, связав её с доктриной акселерационизма, соблюдая тем самым атеистическую установку Кожева.

Основные положения, выносимые на защиту

По итогам проведенного исследования на защиту выносятся следующие положения:

1. Постулируя Власть как феномен, неотделимый от принципа *признания*, Кожев связывает её структуру с добровольной покорностью подвластного субъекта, что предполагает автономность самосознания, даже если исходный модус этой свободы дан как переживаемая изнутри безграничность.

2. Несмотря на то, что в теории Кожева применение силы Властью ведёт к её самоустранению как Авторитета, односторонний механизм признания, исключаящую любую взаимность и медиацию, вынуждает философа допускать политическое насилие в практической сфере, что отдаляет его взгляды от гуманистических ценностей в политике.

3. Кожевская концепция Власти акцентирует внимание преимущественно на её межличностной природе и на механизмах признания как основании Авторитета, в то время как институциональные условия её возникновения остаются вне аналитического поля. Такая перспектива, с одной стороны, проясняет антропологический характер Властного отношения, но с другой — затрудняет рассмотрение безличных форм доминирования, например Власти капитала, которая, не подвергаясь риску, осуществляет господство и тем самым не вполне укладывается в схему диалектики господина и раба.

4. Исходя из тезиса Кожева о том, что всякая Власть задаёт запрос на объяснение своего существования, и каждый ответ соотносим с определённым её типом, можно предположить, что именно в реакции Власти на хаос обнаруживаются эти ответы. Автор проявляет исторические экспоненты, репрезентирующие различные кожевские типы Власти, рождённые реакцией на Великую французскую революцию, что позволяет в нашем случае выстроить ряд парных коррелятов: Жозеф де Местр – Власть

Отца; Фридрих Шиллер – Власть Господина; Франсуа-Рене де Шатобриан – Власть Вождя; Эдмунд Бёрк – Власть Судьи.

5. При сопоставлении типологии Власти у Кожева и типологии дискурсов у Лакана можно постулировать следующие продуктивные диады: дискурс Господина – Власть Господина; дискурс Университета – Власть Вождя; дискурс Истерики – Власть Отца; дискурс Аналитика – Власть Судьи.

6. В теории Власти А. Кожева возможно выявить имплицитно присутствующую в ней Власть капитала, которая разрушает логику межличностного признания во Властных отношениях и вписывается в лакановскую схему дискурса капитализма, а также проецируется на инструментально используемую Кожевом божественную Власть. Последнюю можно интерпретировать атеистически как имманентную, подкрепив акселерационистской футурологической доктриной.

Методологическая основа исследования. Для реализации поставленных целей и решения заявленных задач, в работе применён комплекс методологических приёмов. В первой главе применён компаративистский метод, призванный выявить структурную и содержательную согласованность между текстами исследуемого философа в рамках его феноменологии Власти, а также определить контуры кожевской теории через сравнение его идей с такими противоположными между собой мыслителями как К. Шмитт и Х. Арендт. Во второй главе исследования упор делается на дескриптивный метод, необходимый для детальной фиксации аргументов в сочинениях Жозефа де Местра, Фридриха Шиллера, Франсуа-Рене де Шатобриана и Эдмунда Бёрка, верифицирующих категориальный аппарат теории Власти А. Кожева. В третьей главе для вскрытия логических связей между лакановскими схемами дискурсов и типологией Власти Кожева задействован каузальный анализ.

Научная новизна исследования. Научную новизну данного исследования формируют несколько взаимодополняющих компонентов.

Прежде всего, данная работа представляет собой первое в отечественной науке исследование феномена Власти в философии Александра Кожева, выполненное в онтологическом и психоаналитическом ракурсах без переноса внимания сугубо на политико-государственный аспект. Во-вторых, в ходе анализа кожевской типологии Власти реактуализированы философские и политические тексты авторов, к которым нечасто обращается философия и феноменология власти: Жозефа де Местра, Фридриха Шиллера, Франсуа-Рене де Шатобриана и Эдмунда Бёрка. В-третьих, анализ феномена Власти у Кожева в предложенном нами ракурсе позволяет по-новому увидеть его философию как более близкую к постплатоновскому античному мышлению, нежели напрямую к гегельянству. В-четвёртых, в научный оборот введены малоизученные в отечественной философии тексты Франсуа-Рене де Шатобриана — «Опыт о революциях» (1797) и «Обоснованный анализ истории Франции» (1831) — а также работы Жозефа де Местра «Письма савойского роялиста» (1793) и «О Папе» (1819), которые до сих пор практически не привлекались в отечественных философских исследованиях.

Теоретическая и практическая значимость исследования.

Полученные результаты в настоящей работе подтверждают состоятельный аспект четырёх типов Власти в концепции Кожева и выявляют новую сферу интеграции его идей в контексте того, что В. Декомб назвал посткожевским дискурсом — в нашем случае это демонстрируется на примере теории дискурсов Лакана. Выявленный пробел в целостности кожевской типологии — признание за капиталом Власти над человеком — рассматривается через призму лакановского дискурса капитализма и подкрепляется акселерационистской по духу теорией имманентной технобожественности. Материалы и выводы исследования пригодны для включения в учебные программы по политической философии, онтологии власти, философской антропологии, эстетике, а также могут служить основой для разработки специализированных курсов по смежной тематике.

Структура диссертации. Объём и композиция диссертации обусловлены сформулированными целями и задачами: работа включает введение, три основные главы, заключение, а также библиографический список, охватывающий использованные источники и исследовательские публикации по рассматриваемой проблематике. Первая глава посвящена исследованию кожевского «субъекта желания» и обоснованию автономии самосознания, из которого в социальном измерении выводится феномен Власти как форма признания, после чего анализируется кожевское понимание Власти, её основания, природы её генезиса, а также четырёх чистых типов Власти: Власти Отца, Господина, Вождя и Судьи. В заключение главы из рассуждений Кожева был выведен и обоснован дополнительный пятый тип Власти – власть капитала. Во второй главе проверяется применимость четырёх кожевских типов власти, и тем самым верифицируется тезис Кожева о том, что объяснение своего существования у любой власти укладывается в одну из четырёх теорий, сформулированных мыслителем. Для этого мы обратились к творчеству четырёх мыслителей, работы которых являются реакцией на Великую французскую революцию: Жозефа де Местра, Фридриха Шиллера, Франсуа-Рене де Шатобриана и Эдмунда Бёрка. В третьей главе анализируется структурное созвучие между четырьмя дискурсами Жака Лакана и типологией власти Кожева; кроме того, лакановский пятый дискурс капитализма соотнесён с выявленной в первой главе властью капитала, для которой предлагается теория имманентной технобожественности. Общий объем работы составляет 286 страниц. Список использованных источников и литературы насчитывает 151 наименование.

Степень достоверности и апробация результатов исследования. Достоверность полученных результатов обеспечивается опорой на разнообразный корпус первоисточников и исследовательской литературы — как отечественной, так и зарубежной, — а также применением комплексной

методологии, ориентированной на всесторонний анализ рассматриваемого материала.

Работа была обсуждена на заседании кафедры современных проблем философии философского факультета РГГУ и получила положительное заключение. Результаты исследования, полученные в процессе разработки диссертации, изложены в трёх научных статьях, опубликованных в изданиях, входящих в перечень ВАК, а также апробированы в докладе «Желание, речь и смерть: онтологические аспекты самосознания в философии Александра Кожева», представленном на Всероссийской научной конференции «Алёшинские чтения 2023: Мир, язык, реальность» (РГГУ, 14-16 декабря 2023 г.).

II. ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Введение фиксирует исследовательский дефицит вокруг кожевской концепции Власти и увязывает постановку задачи с «онтологическим поворотом» в современной политической теории. Обозначено состояние поля — от переводов и журнальных публикаций до диссертаций и зарубежных работ — и выделены лакуны, требующие иного методологического подхода. Формулируются объект и предмет, а также шесть выносимых на защиту тезисов. Источниковое ядро составляют тексты А. Кожева, представители контрпросветительской традиции (Ж. де Местр, Ф. Шиллер, Ф.-Р. де Шатобриан, Э. Бёрк) и материалы лакановских семинаров. Методическая конфигурация включает компаративный, дескриптивный и каузальный анализы. Новизна заявляется как первое онтологико-психоаналитическое прочтение Власти у Кожева и ввод в оборот малоизученных источников; практическая ценность — применимость результатов в курсах политической философии и онтологии власти.

В первой главе «**Концептуализация феномена Власти**» выстраивается онтологико-феноменологический фундамент исследования

Власти у Кожева: от автономии субъекта Желания и выведения из него Власти — к предварительной феноменологии и метафизике Власти как Идеи. На этой основе проясняются конститутивные свойства Власти и реконструируется кожевская темпорально мотивированная типология в сопоставлении с позициями Х. Арндт и К. Шмитта. Завершает главу критическое расширение схемы Кожева — постановка проблемы «Власти капитала» как имперсонального, неучтённого типа, требующего самостоятельной онтологии.

Раздел 1.1. «Автономность субъекта Желания» исходит из тезиса, что Власть и Право у А. Кожева выводятся из антропогенного желания признания, поэтому их легитимность предполагает онтологически автономного субъекта, статус самосознания которого оправдывается, обращаясь к диалектической, феноменологической и экзистенциальной оптикам. Власть для признающих её легитимна и не тождественна силе, тогда как Право силу предполагает, но ею не исчерпывается. Опосредование Другим (отношение Господин–Раб) описывает историко-феноменологическое условие возникновения самосознания, но не его сущностную гетерономию; только при этом допущении возможны осмысленные правовые и властные отношения (в публичной и частной модальностях). Анализ кожевского трактата «Атеизм» позволяет сказать, что самосознание в философии мыслителя было фактически тождественно свободе уже до периода его курсов в Практической школе высших исследований: человек «дан себе изнутри как свободный». Это сочетается с онтологическо-темпоральным дуализмом, развиваемым Кожевом в его последующих «Лекциях по „Феноменологии духа“ Гегеля» в период с 1933 по 1939 годы, а именно с дуализмом внутренней потенциальной «безграничности» сознания и внешней конечности инертной природы: потенциальная свобода актуализируется лишь в *действии* (борьба, труд), где человек выступает надгомеостатическим «воплощённым отрицанием» и

преобразует наличную данность. При этом социальное измерение описывается как давление «всеобщей воли» секулярного общества (новый Господин), нормирующего взаимодействия и порождающего формы надзора; без борьбы за признание это ведёт к отчуждению. Однако именно Желание — преобразующая сила, создающая и выталкивающая субъекта за пределы витального интереса к созданию «не-природного» мира. Устанавливается, что выведение фундаментальной гетерономии из опосредования Другим как единственного возможного условия для возникновения самосознания является эпистемологически ошибочным, так как поиск чистой, безотносительной и абсолютизированной свободы внутри каузальной детерминации антиномичен, тогда как вне каузации человеческое существование принципиально невозможно. В финале раздел противопоставляет кожевскую модель субъект-центристской негативности постструктуралистской десубъективации у Делёза и Гваттари (потoki, «желающие машины», «телo без органов», ритм соединений/срезов, рифма с капиталистическим кодированием), фиксируя сдвиг от метафизики присутствия к онтологии производящего желания.

Раздел 1.2. **«Сущность Власти и её определяющие принципы»** задаёт рамку для последующего анализа типов Власти, опираясь на трактат А. Кожева «Понятие Власти» (1942). Кожев настаивает: прежде чем исследовать государство, требуется предварительная феноменология Власти в качестве догосударственного понятия Власти как Идеи. Предпринимается историко-понятийный экскурс, который разводит *auctoritas* и *potestas* (что корреспондирует кожевскому различению *Autorité* и *pouvoir* во французском тексте Кожева «Понятие Власти»): первое – придаёт решениям легитимность и опирается на *признание*, второе – выражает юридико-институциональную силу принуждения. Это обнаруживается и в тезисе Кожева: политическая власть и архитектура государства непостижимы без предварительного понятия Авторитета как формы властной легитимности. Затем

формулируется дефиниция и конститутивные свойства Власти: *человеческий и интерсубъективный характер* (Власть — сугубо человеческий феномен, существующий как отношение между деятелем и подвластным; Она требует носителя, индивидуального или коллегиального), *активность и асимметрия* (движение и изменение происходят на стороне подвластных, тогда как властвующий сохраняет позиционную неизменность), *ненасильственность* (подлинная Власть несовместима с силой; необходимость прибегать к насилию означает ослабление или отсутствие Авторитета; однако в реальной политике Кожев признаёт, что Власть может опираться на силу, но должна быть способна действовать и без неё; силовое удержание порядка не порождает нового Авторитета), *неотвратимость и признанность* (подчинение сознательно и добровольно; Власть существует только как *признанная* — отрицание грозит Ей уничтожением), *отношение к дискуссии и убеждению* (там, где веление превращается в предмет спора, Авторитет утрачивается; Власть требует безоговорочного признания). При сопоставлении кожевской концепции Власти со взглядами Х. Арндт, высвечивается разрыв: у Кожева структурно-генетическое насилие вписано в происхождение некоторых типов (напр., генезис Власти Господина в контексте смертельной Борьбы), тогда как у Арндт власть противопоставлена и силе, и убеждению. В выводах подчеркивается, что хотя Власть идеальна как ненасильственная, её исторический генезис (борьба, риск, страх) оставляет «снятый» след в её структуре.

Шире очерчиваются практические следствия. Кожев допускает крайние меры (политический трибунал, смертная казнь) как инструменты ограждения порядка, что сближает его с К. Шмиттом (решение о чрезвычайном положении, друг/враг) и дистанцирует от либерального примата морали; признание трактуется как онтологический конфликт. Одновременно фиксируется постисторическая перспектива: по мере насыщения общества признанием и комфортом историческая Борьба выхолащивается (эстетизация

протеста, «спектакль»), а Власть всё более работает через психологию подчинения и управляемые дискурсы (идеология, пропаганда, нормирование диапазона допустимых мнений). При этом язык и формы речи остаются неизбежной средой властных отношений, предполагая уровень невербального взаимопонимания в качестве минимального измерения, в котором Власть может себя проявить.

Выводы: Власть в концепции Кожева — это признанный, интерсубъективный и по сущности ненасильственный Авторитет, чья активность основана на асимметрии действия и свободном повиновении, но чьи исторические истоки связаны с конфликтом и риском.

Раздел 1.3 «Генезис и типология Власти: феноменологические, метафизические и политические аспекты» охватывает феномен Власти от происхождения и условий возможности до классификации «чистых» типов Власти по Кожеву (Отец – теологическая/схоластическая теория, где источник — *Причина*; Господин – гегелевская теория: возникновение Власти в ассиметричных отношениях Господин-Раб, исходная легитимация — *Риск*; Вождь – аристотелевская теория: основание — *Проект*, но также предполагается эффект предвидения, способность задавать курс и организовывать действие; Судья – платоновская теория справедливости: Авторитет беспристрастной оценки). Согласно Кожеву, Власть не «производится» внешней процедурой или чьим-то действием извне, иначе она лишь зависима от уже имеющегося Авторитета. Здесь обнаруживается кожевская критика демократической теории общественного договора в её избирательной версии: выборы не создают Власть, а лишь манифестируют уже признанную; неизбрание, наоборот, фиксирует её отсутствие. Делегирование большинством не гарантирует справедливости и не выражает «всеобщую волю» как таковую; если обратиться к Руссо, то она мыслится как власть целого над частями, способная расходиться с суммой частных волеизъявлений. Исторически эта линия приводит к якобинской модели и её

наследию, где универсалистская «общая воля» обретает насильственное воплощение.

Метафизический уровень прикрывает временную структуру Власти: Власть возможна только в историческом бытии (время как модус человеческой негативности). При этом обнаруживается, что каждый тип Власти в теории Кожева соотносится с модусами времени и аристотелевскими причинами: Прошлое — материальная причина — Власть Отца; Настоящее — действующая причина — Власть Господина; Будущее — целевая причина — Власть Вождя; Вечность — формальная причина — Власть Судьи. Вечность не «во времени» и задаёт меру трём остальным; потому Власть Судьи плохо передаваема и имеет предрасположенность к конфликту с остальными типами Власти.

Политическая проекция типологии объясняет разделение Властей: законодательная Власть коррелирует с Вождём (проектирование будущего), исполнительная — с Господином (действие в настоящем), судебная — с Судьёй. Тем самым из конституционной архитектуры вытесняется Власть Отца (прошлое/традиция), что делает систему внутренне несогласованной и склонной к вождистскому компенсаторному уклону: чтобы сохранять «историчность», т.е. человеческий облик, политическая Власть вынуждена предъявлять «революционный» проект.

Отдельно анализируется «Власть мёртвых» как вариант Власти Отца в концепции Кожева: посмертные распоряжения и символические обязательства оказываются не менее действенные прижизненных, поскольку смерть устраняет возможность реакции живых. Проводится параллель с культурной динамикой «вытеснения мёртвых» по Бодрийяру.

«Введение в чтение Гегеля» показывает наличие пятого, не артикулированного Кожевом типа — власти капитала, которая основывается на подчинении человека капиталу как имперсональному Господину без риска

(в этом сходство с Властью мёртвых и её квазибожественным модусом). Такой тип не вписывается в межличностную матрицу признания, однако фактически структурирует актуальную публичную политику: ресурсы \Rightarrow de facto-власть; институты \Rightarrow de jure-власть; обе петли взаимно подкрепляют монополию элит. Тем самым целостность четырёхчастной типологии нарушается — и, как предполагал сам Кожев, её следует расширять.

Вторая глава **«Антропологическая “квадрема” Власти в контрреволюционном зеркале»** демонстрирует применимость четырёхчастной модели Власти А. Кожева на историческом материале. На примере четырёх реакций на Великую французскую революцию — Жозефа де Местра, Фридриха Шиллера, Франсуа-Рене де Шатобриана и Эдмунда Бёрка — показано, как разные дискурсивные стратегии обосновывают легитимность Старого порядка, по-разному определяя источник признаваемого Авторитета. Центральный вопрос — почему следует повиноваться Власти, когда возможен отказ, — решается через сопоставление метафизических, правовых и историко-политических оснований четырёх моделей.

Исследовательская гипотеза такова: в контрреволюционной мысли каждого из четырёх авторов присутствует индивидуализированный «голос» соответствующего типа Власти в концепции А. Кожева — ответ на вопрос о причинах признания Власти. Эти ответы последовательно анализируются в четырех разделах главы. Заметный акцент на биографических подробностях обусловлен предположением, что жизненные траектории авторов также репрезентируют признаки соответствующих кожевских типов Власти.

Раздел 2.1. **«Власть Отца: Жозеф де Местр»** посвящён анализу основной части корпуса Жозефа де Местра с целью доказать, что данный автор является парадигмальным теоретиком «Власти Отца» относительно кожевской оптики. Ключевая интуиция де Местра: легитимность рождается

из Прошлого, Традиции и религиозной санкции. Поэтому естественная форма политического порядка — наследственная монархия, дополненная сакральным центром в лице Папы (всеобщего Отца), чья непогрешимость у де Местра — не богословская роскошь, а политический реализм, удерживающий единство Европы. Революцию он воспринимает как промыслительное событие-кару: стихию, которая очищает Францию от собственных заблуждений, но не созидает устойчивого мироустройства. Отсюда сквозная полемика с «инженерной» политикой Модерна: писанные конституции, конвенты, представительные механики — имитация жизни без органического субстрата Традиции. Биографически и риторически де Местр говорит «из» Старого порядка: в «Письмах савойского роялиста» и «Рассуждениях о Франции» аргументация опирается на семейно-патерналистскую метафорику (государь как отец, нация как семья), а также на фигуры «старших» — предков, геронтов, духовных наставников. В кожевских терминах это Власть, чья материальная причина — Прошлое: Традиция как причина нашего настоящего, сопротивление которой равносильно саморазрушению. Потому де Местр последовательно критикует якобинскую секулярную мифотворческую «литургию», проектно-целевую политику и конституционную гиперпродукцию норм; поддерживает реставрацию без мести, очищение духовенства, возврат сакральных ограничителей произвола. Войну и самопожертвование он называет нормой истории: парадоксально, но именно «жёсткие» испытания препятствуют распаду нравов — ещё одна грань отцовского Авторитета, требующего дисциплины.

Отдельный блок — папство. Де Местр показывает, как «тиара спасла Европу от полумесяца», а в мирное время служит верховным арбитром, ограничивающим монарший произвол мягче и действеннее, чем национальные собрания. Непогрешимость понтифика для него — институциональная гарантия непрерывного суверенитета Церкви;

альтернатива — дробление, подчинение духовной Власти светской и утрата общего центра.

Карта слабых мест в разделе также обозначена. Де Местр склонен к теологическому фатализму: революция предстает не следствием социальных противоречий, а исключительно наказанием; террор гиперболизируется, чтобы легитимировать сакральную Власть; экономические и классовые измерения почти игнорируются. Его апологии инквизиции и смертной казни подрывают нормативную притягательность аргументации. И всё же логика целого внутренне связна: если порядок проистекает из Причины (Традиции) и поддерживается признанием, то разрушение сакрального основания ведёт не к свободе, а к анархии и «народной тирании».

В данном разделе фиксируется следующая аргументация де Местра: подчиняться Старому суверену следует, потому что он — причина и носитель непрерывности, а его Власть освящена временем, Традицией и верой; тем самым подтверждается инкарнация «голоса» Власти Отца — первого типа в «квадреме» А. Кожева.

В разделе 2.2. **«Власть Господина: Фридрих Шиллер»** фигура Шиллера предстаёт не «крикуном повелительных императивов», но как эстетико-политическая фигура. Биографический фон (армейская выучка, бунтарство, рыцарски-патриотический пафос) объясняет его чувствительность к темам Престижа, Риска и достоинства — которые, согласно Кожеву, конституируют Власть Господина. В оптике Ж. Лакана и Е. Головина получает развитие идея Кожева о том, что частным случаем Власти Господина может выступать Власть мужчины над женщиной: борьба за признание считывается и как борьба за признание Женщины (Другого), где ставка — символическая «вечная жизнь и слава». Это переводит господскую волю из чисто силового поля в регистр аффекта, формы, стиля. Отсюда главный тезис «Писем об эстетическом воспитании»: путь к свободе лежит

не через политическую инженерию, а через преобразование души и восстановление целостности человеческой природы средствами искусства, что ведёт к нравственной зрелости. Шиллер различает естественное, нравственное и эстетическое государство. Естественное держится на силах, нравственное — на законе, эстетическое — на свободной игре форм, где свобода соотносится со свободой, а человек предстаёт перед человеком как «прекрасная форма». Но пока до «эстетического» далеко, разрушать естественное государство по французскому образцу нельзя: массы не готовы, культура расколола целостную природу человека, специализация разнесла способности, а «анализ без синтеза» превратил людей в винтики. Поэтому Шиллер защищает право естественного государства на силу (вплоть до смертной казни) против бунта — типично господская ставка на порядок против анархии.

Можно заметить, что эстетика в шиллеровской философии — не украшение, а техника собирания распавшейся человеческой природы: побуждение к игре (синтез образа и жизни) ставит чувственность и разум в равновесие, откуда уже возможна подлинная мораль. Так Шиллер разводит красоту и долг (полемизируя с Кантом): мораль без эстетического промежутка превращает свободу в «почётную форму рабства». Он отдаёт должное и «возвышенному»: сила воли впечатляет нас даже в злодее — потому что фантазия любит свободу. Однако в политике эта логика двусмысленна: эстетизация может подменять истину стилем (Беньямин) и насаждаться массам как фашиствующая «поэзия войны» — ещё одна тень господского пафоса.

В заключительной части раздела шиллеровская политическая эстетика «стыкуется» с кожевским типом Власти Господина, чья легитимность берет начало не из процедуры, а из риска и признанной высоты достоинства того, кто «когда-то дошёл до конца» в межчеловеческой борьбе на исторической арене. Следовательно, Старому порядку надлежало подчиняться не потому,

что «так решили», а потому, что его формы властвования естественны и уже признаны; революционное разрушение без эстетического воспитания ведёт к анархии. Это и есть ответ Шиллера на вопрос о повиновении: власть, опирающаяся на силу и престиж Господина, заслуживает послушания до тех пор, пока общество не пройдёт через фазу эстетического преобразования.

Раздел 2.3. **«Власть Вождя: Франсуа-Рене де Шатобриан»** посвящён анализу ряда текстов Шатобриана разных лет, среди которых «Опыт о революциях» (1797), «О Бонапарте и Бурбонах» (1814) и «Обоснованный анализ истории Франции» (1831). В разделе раскрывается мысль о том, что консерватизм Шатобриана — не желание законсервировать прошлое любой ценой, а попытка нащупать знанием форму порядка, способную удержать Европу в длительном будущем. Эту роль, по убеждению позднего Шатобриана, может сыграть либеральная наследственная монархия Бурбонов: законная, укоренённая в традиции и одновременно совместимая с конституцией и гражданскими свободами.

В «Опыте о революциях» Шатобриан ищет меру революциям в огромной сравнительной перспективе. Сопоставляя Францию с Грецией, он утверждает: форма правления должна быть соразмерна нравственному состоянию народа; когда добродетель падает, «свобода» оборачивается деспотией. Подлинные античные республики держались на институционализированном неравенстве (рабстве), а потому механическое перенесение их «демократии» в современные условия рождает иллюзии. Шатобриан показывает, что история многократно повторяет одни и те же ходы, и ключ к их пониманию лежит не в абстрактных схемах, а в морали — «коде судьбы» обществ. Отсюда его критика просветителей: у древних свобода выростала из добродетели, у новых философов добродетель должна возникнуть как продукт формальной политической свободы — перевёрнутая причинность, ведущая к катастрофе. В этом же контексте он показывает силу

религии, искусств и прессы: они не надстроечная «мелочь», а реальные рычаги политического поведения масс.

Памфлет «О Бонапарте и Бурбонах» переводит анализ в регистр действия. Наполеон изображён как узурпатор, который под видом эффективности разрушает институты, нравы и экономику, превращая государство в машину принуждения и лжи. Противовес — реставрация Бурбонов: не простое возвращение «как было», а политический проект, способный стабилизировать свободы через легитимную династию и проверенные временем обычаи. Отсюда его призыв к общеевропейской консолидации — по сути, идея «перманентной контрреволюции», то есть длительной, дисциплинированной защиты легитимного порядка.

В «Обоснованном анализе истории Франции» Шатобриан критикует период Ришельё – Людовика XIV, утверждая, что их абсолютизм логично довёл старую монархию до кризиса, породив «народ» как соперника аристократии. Главная причина взрыва — не закрытые карьеры (они были открыты), а дефицит признания: буржуа сталкивался с презрением дворянского «мнения», что весьма созвучно с Кожевом и его «Понятием Власти»: революция — это не просто конфликт интересов, но и борьба буржуа с их общественным непризнанием. Политически же Шатобриан смещается к либеральному монархизму: он против любого деспотизма, настаивает на свободе печати и на ограничении власти институтами. Именно эта проектность и «учительская» апелляция к знанию делают политико-интеллектуальный профиль Шатобриана близким к «Власти Вождя» (в кожевской «квадреме», где одна из её модификаций проявляется как Власть Учителя над учеником). Он не апеллирует к сакральности Власти и не стремится остановить историю; он формулирует цель и прокладывает путь — от хаоса революции и тирании узурпатора к устойчивому порядку, где свободы защищены законной Властью наследственной и конституционной

монархии Бурбонов. Это повиновение — выбор в пользу *Будущего*, а не слепая покорность *Прошлому*.

В разделе 2.4 «**Власть Судьи: Эдмунд Бёрк**» анализируются «Защита естественного общества» (1756; сатирическая пародия на Болингброка), «Размышления о революции во Франции» (1790) и «Письмо г-на Бёрка к члену Национального Собрания...» (1791). Этот корпус показывает Бёрка как мыслителя судейского склада, который собирает факты, сопоставляет документы и прецеденты, отделяет страсти от доказательств — и выносит «решение». Аргументация в критике Французской революции строится по логике судебного разбирательства, что сближает его подход с типом «Власти Судьи» в кожевской типологии. Бёрк исходит из конкретных случаев и опирается на принцип: «никто не должен быть судьёй в собственном деле». В полемике с Ричардом Прайсом Бёрк выступает грамотным интерпретатором правовых источников (Билль о правах 1689 г., практика наследования), возвращая спор из сферы лозунгов в рамки доказуемого.

По существу, Революция рассматривается как «дело» с несколькими эпизодами. 1) Неверная аналогия: «Славная революция» 1688 года — вынужденное отклонение в порядке наследования, а не провозглашение абстрактного «права выбирать короля». 2) Упразднение королевских парламентов и концентрация власти в однопалатном Национальном собрании, отсутствие реального контроля. 3) Подрыв собственности и доверия к деньгам: конфискация церковных имуществ, ассигнаты как инфляционный инструмент, разрушающий кредит. 4) Расшатывание армии и администрации: смешение ролей войска и толпы, риск военной диктатуры. 5) Идеологическая подмена: «естественные права» как отвлечённая метафизика против «наследственных свобод» как прав, подтверждённых историей и прецедентом. По каждому пункту Бёрк действует как судья-комментатор: реконструирует факт, сверяет с нормой, фиксирует нарушение и его предсказуемые последствия (террор, олигархия, коллапс кредитов).

Формула повиновения у Бёрка такова: подчиняться следует порядку, который легитимирован источником, подтверждён практикой и способен обеспечивать справедливость без опоры на насилие. Старый французский строй, при всех пороках, в большей мере отвечал этим условиям и был реформопригоден; революционная власть, упразднив королевские парламенты и ослабив независимое судейство, стала суррогатом Власти.

Выводы: для Бёрка свобода должна держаться не на абстракциях, а на правосудии, собственности, религии и наследственных институтах; разрушив их во имя «естественных прав», Франция получила не гражданскую эмансипацию, а длительную анархию и деспотизм. Поэтому в координатах кожевской типологии Бёрк воплощает тип Власти Судьи в контрреволюционном квартете: приоритет беспристрастного рассудка и понимание политической мудрости как разновидности справедливости.

Третья глава «**А. Кожев и Ж. Лакан: от типологии Власти к дискурсам**» посвящена выстраиванию интегративной рамки: четыре лакановских дискурса сопоставляются с «квадремой» Власти А. Кожева (Господин ↔ Власть Господина, Университет ↔ Вождь, Истерик ↔ Отец, Аналитик ↔ Судья), показывая структурную перекличку дискурсивных механизмов в концепции Жака Лакана и кожевских типов господства. Предложенное соответствие не утверждает прямой генеалогии, но даёт основания видеть в теории Власти А. Кожева возможную предпосылку (и контекст) лакановской теории дискурсов и указывает на её эвристический потенциал.

В разделе 3.1. «**Четыре дискурса Лакана и типы Власти Кожева: интегративная перспектива**» задаётся общий каркас сопоставления лакановских дискурсов с кожевской типологией Власти. Для Лакана дискурс — не просто речь, а устойчивая структура социальной связи, которая описывается им с помощью четырёх матем — SI (господствующее

означающее), $S2$ (знание), a (утрачённое наслаждение/объект-причина желаний) и S' (расщеплённый субъект) — размещённые на фиксированных позициях: агента, Другого, продукта и истины. Таким образом Лакан предлагает четыре базовые формулы: дискурсы Господина, Истерика, Университета и Аналитика.

У Лакана генетически первым выступает дискурс Господина: $S1$ на позиции агента обращено к $S2$ на позиции Другого — Господин заимствует знание у Раба. Лакан утверждает генеалогический примат над всеми остальными типами дискурсов, сама философия, по его словам, выступает как «служба у господина». Кожевский тип Власти Господина резонирует с этой первой формой, поскольку в его концепции исходной выступает именно этот тип Власти, а все прочие типы выступают её производными, выводимыми из отношения Господина и Раба. В дискурсе Университета на позицию агента встаёт знание ($S2$), обращённое к объекту a (ученику/потребителю), тогда как господствующее означающее ($S1$) уходит в позицию истины, а продуктом выступает расщеплённый субъект (S'). Так оформляется капиталистический вариант дискурса Господина, научно-административный режим, производящий управляемое желание и общество потребления. В терминах Кожева это соответствует Власти Вождя: проекту Просвещения/Модерна, революционно-трансформирующей силе, которая претендует говорить от имени знания и направлять в Будущее. Дискурс Истерика — реакция на Господина: агентом выступает расщеплённый субъект S' , обращённый к господствующему означающему $S1$; в позиции истины — объект a (утраченное наслаждение), а продуктом становится знание $S2$. По Лакану истерическая позиция, среди прочего, выносит на сцену вопрос сексуального отношения и власти, отказывается «поставлять» знание, к которому стремится Господин, и тем самым вскрывает господские притязания Другого. В нашей интегративной перспективе это соответствует Власти Отца: фигуре, желающей Господина — но такого, чьим Авторитетом

можно незримо распоряжаться; отсюда напряжение между семейно-традиционным порядком и университетско-модерным Проектом. Дискурс Аналитика инвертирует господскую формулу: в позиции агента — объект a , в позиции «истины» — знание $S2$, адресат — расщеплённый субъект S' , а продуктом становится новое господствующее означающее $S1$. Задача аналитика — не властвовать и не проектировать, а «истеризовать» дискурс, нейтрально выявляя его структуру. Это прямо соотносится с кожевским типом Власти Судьи: Авторитетом беспристрастного разбора, чьи суждения вне интересов момента в Настоящем (Господин), а также Прошлого (Отец/Истерик) или Будущего (Вождь/Университет) — это, по выражению Кожева, «проявление Вечности» внутри времени.

В результате показано, что четыре лакановские конфигурации и четыре кожевских типа Власти образуют устойчивую переключку: дискурс Господина ↔ Власть Господина, Университета ↔ Власть Вождя, Истерики ↔ Власть Отца, Аналитика ↔ Власть Судьи. Такое сопоставление показывает, как разные режимы знания/желания порождают и легитимируют различные формы Авторитета — и почему их столкновения структурно неизбежны.

Раздел 3.2. **«Де Местр, Шиллер, Шатобриан и Бёрк: дискурсные воплощения кожевской «квадремы» Власти в конфигурациях Лакана»** демонстрирует, как четыре контрреволюционные фигуры второй главы соотносятся с лакановскими формулами дискурса, тем самым конкретизируя типологию Власти А. Кожева. Жозеф де Местр предстает транслятором дискурса Истерики (Власть Отца): его мысль — это реакция на революционное $S1$, требование «Другого» (Господина), сопровождаемое демонстративным гиперболизированием сакрального и карательного. Отсюда и истерическая логика: навязчивое возвращение к сексуально-нравственному порядку, к «охране женских нравов», апологии инквизиции и т.д. — но не как принципиальная доктрина, а как провокация, поскольку претензия

истерика адресована тому же, кого он обличает. Обращаясь к Господину, он тем самым удерживает его фигуру, ведь без неё его позиция невозможна. Истерик-Отец не подрывает метауровневую легитимность господских означающих, а выдвигает им зеркальную противоположность — как это демонстрирует пример Жозефа де Местра. Фридрих Шиллер выступает носителем дискурса Господина, чьё понимание красоты как «свободы в явлении» и культ «наивного» гармонического образца (Античность) формируют строй $S1$, адресованный Другому. Здесь обнаруживается повелительный, но «утончённый» императив формы, дисциплины, приличий и аристократического такта. Господин, по Лакану, всегда отчасти зачарован собственным означающим. У Шиллера это проявляется в стремлении к безусловной согласованности понятий и в нормативизации «наивного» женского поведения: свобода допускается лишь как видимость, подчинённая господскому канону. Франсуа-Рене де Шатобриан репрезентирует дискурс Университета, где в позиции агента стоит знание ($S2$). Он принимает «университетскую» маску нейтральной мудрости — историософские сопоставления, редакторские и государственные роли, — извлекает у Отца-истерика лишь тот объём знания (христианской традиции), который служит его целям, и встраивает его в собственный проект консерватизма. Так вместо прямого приказа Господина возникает управленческо-педагогическое воздействие знания, ориентированного на Будущее — «вождистское» в кожевской типологии (Власть Учителя над учеником). Эдмунд Бёрк действует из позиции дискурса Аналитика. В «Размышлениях о революции во Франции» он нейтрализует революционные означающие апологета Революции Ричарда Прайса: снимая кажущуюся самоочевидность доводов, возвращает спор к проверяемым фактам, прецедентам и логике британской конституции. Аналитическая позиция диагностирует симптом, но при этом неизбежно производит новое $S1$ — более умеренное господство. Отсюда возможен сдвиг: завершив анализ, Аналитик поддерживает «лучшего»

Господина; так Бёрк встаёт на сторону менее деспотичного господствующего означающего.

Четверо анализируемых авторов дают наглядные модели соответствий Лакан ↔ Кожев: де Местр — Истерик ↔ Власть Отца; Шиллер — Господин ↔ Власть Господина; Шатобриан — Университет ↔ Власть Вождя; Бёрк — Аналитик ↔ Власть Судьи. Это сопоставление показывает, что распределение $S1$, $S2$, объекта a и S' по позициям агента, Другого, «истины» и продукта в каждом из лакановских дискурсов объясняет структурные напряжения между ними: Отец-Истерик vs. Вождь-Университет; Судья vs. Господин/Вождь.

Раздел 3.3. **«Божественная Власть и дискурс Капитализма»** связывает выявленную у Кожева «Власть Капитала» с пятым лакановским дискурсом — дискурсом Капитализма. Внутри его схемы конфигурации метем S' и $S1$ меняются местами, привычная для дискурса Господина последовательность матем разорвана, агент перестаёт адресоваться Другому (на позиции которого — $S2$). Агент ориентирован не на Другого, а на «истину» господствующего означающего. При этом объект a становится продуктом/товаром, желание детерминируется знанием (Другого). Однако это не знание в строгом смысле (которое, по мысли Лакана, производится дискурсом Истерика), а бесконечная подгонка субъекта под заранее навязанную «истину», циркуляция удовольствий по готовым клише. Дискурс Капитализма удерживает запрет на дистанции, обещая неограниченное наслаждение. Субъект становится «машиной» сцепления желания с $S1$. Лакан называет этот дискурс «безумно хитроумным» и эффективно работающим, но «быстро сгорающим» из-за колоссального расхода либидозной и материальной энергии. При этом у капитализма есть то, чего нет у четырёх классических лакановских дискурсов: специфическая бесконечность, в которой петля самоподтверждений почти не встречает сопротивления. Фокус сдвигается к одержимости идентичностью — субъект «сам решает, кем

быть», словно Бог, который может быть кем угодно. Наряду с этим «Власть Капитала» будучи безличной, неподсудной и ничем не рискующей — по структуре напоминает божественную власть. Не случайно и то, что у Кожева «капиталистическое» сменяет «буржуазное»: место Господина, согласно его словам, занимает безличный Капитал. Внешней точки опоры против него нет: он присваивает различия и оппозиции, не терпит «вне», перепроизводит ответы, отменяя сами вопросы. В этой перспективе, обратившись к Нику Ланду, капитализм можно интерпретировать как «вторжение из будущего пространства искусственного интеллекта»: система стремится породить «богоподобные» сверхинтеллектуальные машины и подчинить производство технокоммерческой репликации. Согласно Р. Негарестани, отрицание возможности машинного самосознания — скорее оборона унаследованных теологом, чем рациональный аргумент. Уже сегодня заметна «обратная теологизация» модерна: наука и капитал «материализуют миф», возвращая божественное в имманентной форме — как бы из трансцендентного Будущего. Текст А. Кожева «Император Юлиан и его искусство письма» подсказывает, что даже если миф трактуется как педагогический инструмент, его истина ускользает от непротиворечивого языка. В этой оптике сцепка капитала и науки постепенно переводит миф из статуса идеальной проекции в режим действительности. Новоевропейская наука всё более служит не разрушению мифа, а его техноморфной инсталляции; а капитал, будучи «не сущностью, а тенденцией», направляет историю к порогу, где человеческое желание окончательно перестаёт быть владельцем самого себя.

В **Заключении** диссертации формулируются основные положения и итоговые выводы. Диссертационное исследование показало, что в философии А. Кожева свобода атеистического субъекта понимается как его виртуально безграничное бытие-в-себе, которое актуализируется в каждом осмысленном действии — прежде всего в речи, выполняющей роль «инструмента калибровки». Самосознание тем самым выступает как интенциональное

существование, свободная реакция на смерть — акт отрицания-трансценденции; а желание — как стремление самосознания к актуализации и осуществлению субъективной воли. Поскольку трактуемая А. Кожевом Власть — это Авторитет, который держится на признании и добровольном повиновении Ему (а не на формальной принудительной компетенции), и соответственно не может опираться на гетерономное сознание, установленная автономность субъекта легитимирует феномены Права и Власти, выводимые из него.

На уровне теории Кожев принципиально разводит легитимность и силовое принуждение, однако сопоставление с К. Шмиттом показало сближение кожевского понимания «политического» с шмиттовской оппозицией «друг/враг»: диалектика признания имеет позитивный аспект, но одновременно объясняет политический климат межгосударственного недоверия и враждебности. Также в теории Власти А. Кожева были выявлены макиавеллистские черты концепции: ненасильственность Власти мыслится как прагматический, а не этический принцип; «буржуазная мораль» трактуется как «инструмент» для удержания Власти. Несмотря на тезис о том, что опора Власти на силу приводит к её делегитимации, односторонность принципа признания приводит Кожева к допущению политического насилия на уровне государственной практики (включая символические и психологические формы пропаганды), что подрывает позитивную свободу индивида и указывает на расхождение с гуманистическими идеями и ценностями либерализма.

Исследование подтверждает применимость кожевской «квадремы» Власти в историческом анализе на примере работ и биографических деталей четырёх контрреволюционных мыслителей, которые интерпретируются как экспоненты, репрезентирующие четыре типа Власти в концепции А. Кожева в виде следующего ряда коррелятов: Жозеф де Местр – Власть Отца; Фридрих Шиллер – Власть Господина; Франсуа-Рене де Шатобриан – Власть

Вождя; Эдмунд Бёрк – Власть Судьи. Творчество каждого из приведённых авторов было выбрано с учетом исследовательской гипотезы о том, что Власть проявляется себя в качестве ответа, рождённого в реакции на хаос, в данном случае на Великую французскую революцию. Также была показана структурная переключка между кожевской типологией Власти и четырьмя дискурсами Жака Лакана: дискурс Господина ↔ Власть Господина, Университета ↔ Власть Вождя, Истерики ↔ Власть Отца, Аналитика ↔ Власть Судьи. Это позволяет рассматривать кожевскую теорию Власти как возможную предпосылку для оформления лаканианской теории дискурсов.

В ходе исследования выявлен пробел в теории Власти А. Кожева: не артикулированный им пятый тип — Власть Капитала — анонимный и лишённый собственного риска. Этот тип Власти соотнесён с пятым лакановским дискурсом — дискурсом Капитализма — и истолкован через предложенную нами теорию имманентной технобожественности, дополненную акселерационистской футурологией: капитал мыслится как тенденция «материализации мифа» (в союзе с наукой), переопределяющая «конец истории» как порог новой онтологии.

III. СПИСОК ОПУБЛИКОВАННЫХ РАБОТ ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ

Основные положения и выводы диссертации отражены в научных публикациях автора из перечня рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук (Перечень ВАК):

Дорофеев Я. С. Диалектическое движение философской мысли: генезис Системы Знания в философии Александра Кожева. Статья первая: диалектика и дедогматизация // Общество: философия, история, культура. 2024. № 3. С. 74–79. DOI <https://doi.org/10.24158/fik.2024.3.8>. Ок. 1 п.л.

Дорофеев Я. С. Диалектическое движение философской мысли: генезис Системы Знания в философии Александра Кожева. Статья вторая: синтез дискурсов // Общество: философия, история, культура. 2024. № 4. С. 91–96. DOI <https://doi.org/10.24158/fik.2024.4.12>. Ок. 1 п.л.

Дорофеев Я. С. Свобода в пределах атеизма: в защиту автономности самосознания в философии Александра Кожева // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2025. № 1 (71). С.91–98. DOI <https://doi.org/10.24866/1997-2857/2025-1/91-98>. Ок. 1 п.л.